

Иван Тургенев

**Письмо к
редактору «С.-
Петербургских ведомостей»,...**

Иван Тургенев

**Письмо к редактору «С.-
Петербургских ведомостей»,
8/20 января 1870 г.**

«Public Domain»

1870

Тургенев И. С.

Письмо к редактору «С.-Петербургских ведомостей», 8/20 января 1870 г. / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1870 — (Открытые письма)

ISBN 978-5-457-13952-7

Поводом для написания статьи Тургенева о поэзии Я. П. Полонского послужили сетования последнего на невнимание критики и на жалкую роль лирического поэта в обществе. Полонский писал Тургеневу отчаянные письма, содержавшие скорбные размышления поэта о своем творчестве, которое не имеет «ни публики, ни судей». Он называл «великой несправедливостью», убивающей желание совершенствовать талант, «отсутствие всякой критики и грубо недобросовестное молчание».

ISBN 978-5-457-13952-7

© Тургенев И. С., 1870
© Public Domain, 1870

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Письмо к редактору <«С.-Петербургских ведомостей»>, 8/20 января 1870 г

М. г., я не разделяю мнения, которое, как Вам известно, в большом ходу между художественной и литературной братьей, между артистами вообще, – мнения, что критика – бесполезное дело и что гг. критики злобствуют вследствие собственного бессилия; я, напротив, полагаю, что особенно у нас, в России, критике предстояла и предстоит великая и важная задача, которую она не раз уже разрешала блестящим образом в лице Белинского, Добролюбова и некоторых других и которая не потеряет своего первостепенного значения до тех пор, пока будут необходимы у нас педагогические отношения сознательно мыслящих умов к остальной массе общества. При подобном воззрении на критику мне тем более видеть это могущественное орудие в руках неискусных и недобросовестных – и вот причина, побудившая меня обратиться к Вам с настоящим письмом.

Нечего и говорить, что речь идет не обо мне. Никто в своем деле не судья; да и в конце концов мне на критику слишком жаловаться нечего. Правда, в последнее время я сам себе напоминал те турецкие головы, о которые посетители народных гуляний пробуют свои силы ударом кулака: не было ни одного начинавшего критика, который не попытал бы надо мною своего размаха... И то не был «размах без удара», по выражению Белинского; напротив, иной бил очень ловко и метко¹. Но, повторяю, речь не обо мне. Я хочу сказать несколько слов о статье, появившейся в сентябрьской книжке «Отечественных записок» и посвященной разбору сочинений Я. П. Полонского, правильнее говоря – первых двух томов нового издания его сочинений.

Статья эта попала мне в руки в то самое время, когда я оканчивал чтение появившихся в покойной «Литературной библиотеке»^[1] «Признаний Сергея Чалыгина». Публика наша, кажется, не обратила никакого внимания на это замечательное произведение Полонского. Недостаток ли симпатии к журналу, в котором оно появилось, недоверие ли ко всякому стихотворцу, пишущему прозой, причиной этого равнодушия – не знаю; но знаю несомненно, что оно незаслуженное и что нашей публике не часто предстоит читать вещи, более достойные ее внимания. «Признания» эти, которых вышла только первая часть, принадлежат к роду литературы, довольно тщательно возделанному у нас в последнее время, а именно – к «воспоминаниям детства». Уступая известным «Воспоминаниям» графа Л. Н. Толстого в изящной отделке деталей, в тонкости психологического анализа, «Признания Чалыгина» едва ли не превосходят их правдивой наивностью и верностью тона – и во всяком случае достойны занять место непосредственно вслед за ними. Интерес рассказа не ослабевает ни на минуту; выведенные личности очерчены немногими, но сильными штрихами (особенно хорош декабрист, друг матери Чалыгина^[2]), и самый колорит эпохи (действие происходит около двадцатых годов текущего столетия) схвачен и передан живо и точно. Вполне удалось автору описание известного наводнения 1824 года так, как оно отразилось в семейной жизни: читатель присутствует при внезапном вторжении великого общественного бедствия в замкнутый круг частного быта; каждая подробность дышит правдой. Выражения счастливые, картинные попадают на каждой странице и с избытком выкупают некоторый излишек вводных рассуждений – единственный и в сущности маловажный недостаток произведения г. Полонского. Впрочем, он уже до «Признаний Чалыгина» показал, что умеет так же хорошо

¹ Именно теперь, по поводу моих «Литературных воспоминаний», кажется, снова поднимается знатная травля... На здоровье, господа!

писать прозой, как и стихами. Стоит вспомнить его «Тифлиские сакли»,^[3] его «Груню» и т. п. Нельзя не пожелать, чтоб он довел до конца эти интересные «Признания».

Г-н критик «Отечественных записок», автор вышеупомянутой статьи в сентябрьском №, совершенно противоположного мнения о таланте г. Полонского. Он находит в его сочинениях одну «бесконечную канитель слов, связь между которыми обуславливается лишь знаками препинания, бессодержательное сотрясение воздуха, несносную пугливость мысли, не могущей вызвать ни одного определенного образа, формулировать ни одного ясного понятия; туманную расплывчивость выражения, заставляющую в каждом слове предполагать какую-то неприятную загадку»², и всё это потому, что г. Полонский, по понятию критика, не что иное, как писатель безо всякой оригинальности, безличный, второстепенный писатель-эклектик.

Не могу не протестовать против подобного приговора; не могу не заявить, что критик, его произнесший, тем самым наглядно показал, что лишен главного качества всякого критика, лишен *чутья* – понимать, лишен умения проникнуть в чужую личность, в ее особенность и значение. Оставляю в стороне все эти «канители», «сотрясения воздуха» – все эти «жестокие» слова, пущенные в ход для уснащивания речи; но самое определение Полонского как писателя несамобытного, эклектика, неверно в высшей степени. Если про кого должно сказать, что он не эклектик, не поет с чужого голоса, что он, по выражению А. де Мюссе, пьет хотя из маленького, но из *своего* стакана³,^[4] так это именно про Полонского. Худо ли, хорошо ли он поет, но поет уж точно по-своему. Да и скажите, прошу вас, кому подражал Полонский в своем «Кузнечике-музыканте»,^[5] этой прелестной, исполненной грациозного юмора идиллии, которая переживает и уже пережила многое множество современных ей произведений, выступивших в свет с гораздо большими претензиями? Г-н критик не признает оригинальности в Полонском; но стоит обладать некоторою лишь тонкостью слуха, чтоб тотчас признать его стих, его манеру⁴. Стихотворение, которое г. критик – не без коварного умысла (постыдная, в нашей журналистике часто употребляемая уловка) – приводит, *как одно из лучших*⁵ и над которым он потом глумится, вовсе не может служить примером того, чем собственно отличается поэзия Полонского. В этом стихотворении выражается скорее слабая сторона его таланта, а именно: его несколько наивное подчинение тому, что называется высшими философскими взглядами, последним словом общечеловеческого прогресса и т. п. Искреннее уважение, даже удивление, которым он проникается перед лицом этих «вопросов», внушают ему стихотворения, то торжествующие, то печальные, в которых благонамеренность и чистота убеждения не всегда сопровождается глубиной мысли, силой и блеском выражения. Не в подобных произведениях следует искать настоящего Полонского; зато там, где он говорит о действительно пережитых им ощущениях и чувствах, там, где он рисует образы, навеянные ему то ежедневной, почти будничной жизнью, то своеобразной, часто до странности смелой фантазией (укажу, например, на стихотворение «Тишь и мрак»), – там он если не всякий раз заявляет себя мастером, то уже наверное всякий раз привлекает симпатию читателя, возбуждает его внимание, а иногда, в счастливые минуты, достигает полной красоты, трогает и потрясает сердце. Талант его представляет особенную, ему лишь одному свойственную, смесь простодушной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества, и какой-то иногда неловкой, но все-

² См. «Отечественные» зап<иски>«за сентябрь 1869 г. – «Новые книги», стр. 47.

³ «Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre».

⁴ Кто не чувствует особого оригинального оборота, особого лада стихов вроде следующих: Уже над ельником, из-за вершин колючих Сияло золото вечерних облаков, Когда я рвал веслом густую сеть плавучих Болотных трав и водяных цветов — Или: Прихвачу летучий локон Я венком из белых роз, Что растит по стеклам окон Утренний мороз, — тому, конечно, этого растолковать нельзя. Это не по его части.

⁵ Стихотворение: «Царство науки не знает предела».

гда любезной честности и правдивости впечатлений. Временами, и как бы бессознательно для него самого, он изумляет прозорливостью поэтического взгляда... (см. стихотворение: «Жалобы музы» в «Отгисках»). Древний мир также не чужд его духу; некоторые его «античные» стихотворения прекрасны (например, «Аспазия», «Наяды»).

Позволю себе привести в подтверждение слов моих стихотворение «Чайка».^[6] Я не много знаю стихотворений; на русском языке, которые по теплоте чувств, по унылой гармонии тона стояли бы выше этой «Чайки». Весь Полонский высказался в нем.

ЧАЙКА

Поднял корабль паруса;
В море спешит он, родной покидая залив...
Буря его догнала – и швырнула на каменный риф,

Бьется он грудью об грудь
Скал, опрокинутых вечным прибоем морским...
А белогрудая чайка летает и стонет над ним.

С бурей обломки его
Вдаль унеслись; чайка села на волны – и вот,
Тихо волна покачав ее, новой волне отдает.

Вон отделились опять
Крылья от скачущей пены – и ветра быстрее
Мчится она, упавая в объятья вечерних теней.

Счастье мое, ты – корабль.
Море житейское бьет в тебя бурной волной.
Если погибнешь ты, буду, как чайка, стонать над тобой.

Буря обломки твои
Пусть унесет! Но пока будет пена блестеть,
Дам я волнам покачать себя, прежде чем в ночь улететь.

Всякий, даже поверхностный читатель легко заметит струю тайной грусти, разлитую во всех произведениях Полонского; она свойственна многим русским, но у вашего поэта она имеет особое значение. В ней чувствуется некоторое недоверие к себе, к своим силам, к жизни вообще; в ней слышится отзвучие горьких опытов, тяжелых воспоминаний... Относительная холодность публики – особенно нынешней – к его литературной деятельности, вероятно, также прибавила каплю своей полыни... И вот после свыше двадцатипятилетней, честно пройденной карьеры^[7] является критика, которая развязно и самоуверенно, словно это само собою разумеется, крутит, вертит, решает – и не подозревая даже, в своем самодовольстве, насколько ложно и не в ту сторону, *не по следу* она сама выступает и движется, произносит свой ничем не оправданный суд! Г-ну Полонскому, конечно, нечего вмешиваться в эти дразги; но да извинит меня его скромность, если я решаюсь печатно вступить за него, если я беру на себя смелость замолвить за него слово! Я позволяю себе сказать публике, что, в противность ее почти всегда верному инстинкту, *на этот раз* она неправа и что дея-

тельность такого поэта, как Полонский, заслуживает большего сочувствия; я позволяю себе обратить ее внимание на то, что трудно писателю, как бы сильно ни было в нем чувство собственного призвания, трудно ему не усомниться в нем, когда его произведения встречаются одним лишь глухим молчанием или гаерскими завываниями, свистом и кривляньями наших псевдосатириков!^[8] Что же касается до критика «Отечественных записок», то ограничусь тем, что выражу ему одно мое убеждение, над которым он, вероятно, вдоволь посмеется. Нет никакого сомнения, что в его глазах патрон его, г. Некрасов, неизмеримо выше Полонского, что даже странно сопоставлять эти два имени; а я убежден, что любители русской словесности будут еще перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г. Некрасова покроется забвением. Почему же это? А просто потому, что в деле поэзии живуча только одна поэзия и что в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях «скорбной» музыки г. Некрасова – ее-то, поэзии-то, и нет на грош, как нет ее, например, в стихотворениях всеми уважаемого и почтенного А. С. Хомякова, с которым, спешу прибавить, г. Некрасов не имеет ничего общего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...в покойной «Литературной библиотеке»... – Журнал «Литературная библиотека» издавался в Петербурге с октября 1866 до февраля 1868 г.; в нем (№№ 3–6, 8, 12 за 1867 г.) была напечатана первая часть романа Полонского «Признания Сергея Чалыгина». Роман не был закончен писателем.

2.

...декабрист, друг матери Чалыгина... – Речь идет о центральном положительном персонаже романа «Признания Сергея Чалыгина» – Александре Сидоровиче Кремневе, арестованном после восстания 14 декабря 1825 г.

3.

...«Тифлиссские сакли» – повесть Полонского, напечатанная в 1856 г. в «Современнике»; годом ранее в том же журнале был опубликован рассказ «Груня».

4.

...по выражению А. де Мюссе, пьет хотя из маленького, но из своего стакана («Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre»). – Цитата из посвящения к драме «La coupe et les levres» («Чаша и уста», 1832–1834 гг.).

5.

...в своем «Кузнечике-музыканте»... – Шутка в виде поэмы, как определил жанр этого произведения сам поэт, была напечатана впервые в журнале «Русское слово» (1859, № 3).

6.

...Уже над ельником ~ «Чайка». – Тургенев называет стихотворения Полонского, вошедшие в сборник его стихотворений «Гаммы» (1844) и в цикл «Сны», напечатанный впервые в журнале «Русское слово» (1860, № 4). «Жалобы музы» – «Оттиски», СПб., 1866; «Аспазия» – в «Современнике», 1855, № 2. О стихотворении «Наяды», написанном в 1856 г., см.: Т, Письма, т. III, стр. 63.

7.

...свыше двадцатипятилетней, честно пройденной карьеры... – Тургенев имеет в виду 25 лет со времени издания первого поэтического сборника Полонского «Гаммы» (1844). Но фактически поэт начал свою литературную деятельность раньше: в 1840 г. в «Отечественных записках» (№ 9) было напечатано его первое стихотворение «Священный благовест торжественно звучит», а в 1842 г. в альманахе «Подземные ключи» были напечатаны 10 стихотворений поэта (см. П. А. Орлов. Я. П. Полонский. Критико-биографический очерк. Рязань, 1961, стр. 14).

8.

...гаерскими завываниями ~ наших псевдосатириков! – Это высказывание Тургенева, направленное против сатирической журналистики того времени, в свою очередь вызвало отклик на страницах «Искры». В номере от 15 января 1870 г. Д. Д. Минаев под псевдонимом «Мефистофель» выступил с фельетоном «Со дня на день (Записки дьявола)», в котором не только была повторена уничтожающая оценка Полонского как сочинителя «послеобеденных романсов», но досталось и Тургеневу за его защиту поэта. Автор изобразил дело так,

будто Тургенев, воздвигая пьедестал Полонскому, «трунит над бедным поэтиком, желая чрезмерной похвалой совсем его уничтожить» («Искра», 1870, № 3, стр. 110).